

УДК 340.131.4

DOI: 10.46548/21vek-2020-0952-0032

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЦЕЛЯХ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ**

© 2020

Романовский Георгий Борисович, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Уголовное право»**Романовский Владислав Георгиевич**, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право»
Пензенский государственный университет
(440026, Россия, Пенза, улица Красная, 40, e-mail: vlad93@sura.ru, up406@mail.ru)

Аннотация. В статье анализируются законодательство Российской Федерации в части установления обязательных требований к деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, обусловленных противодействием террористическим угрозам. Показано, что актуальность приобретает борьба с катастрофическими проявлениями террористических атак, нацеленных, в том числе, на критическую инфраструктуру. Это предполагает участие в профилактической деятельности всех организаций независимо от форм собственности. Показана связь особого режима экономической деятельности в условиях противодействия терроризму с понятием мобилизационной экономики. Вводится специальное понятие антитеррористической защищенности объектов, регулируемое как Федеральным законом «О противодействии терроризму», так и принятыми в его развитие Постановлениями Правительства Российской Федерации. Обращено внимание на правила взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность. Аналогичные правила введены в ряде зарубежных стран. Кроме того, за рубежом допускается проведение таких мероприятий, как «массовое хакерство» от имени правоохранительных органов, сбор персональных данных и создание массивов метаданных на их основе. В статье указывается, что в российских правовых актах не урегулирован вопрос компенсаций определенных потерь организаций в силу особых режимов деятельности.

Ключевые слова: безопасность, организация, терроризм, противодействие, законодательство, обязанности, технические требования.

**LEGAL FRAMEWORK FOR ENSURING THE SECURITY OF ORGANIZATIONS FOR THE
PURPOSE OF COUNTERING TERRORISM**

© 2020

Romanovsky Georgy Borisovich, doctor of Law, Professor, head of the Department of Criminal Law
Romanovsky Vladislav Georgievich, candidate of Legal Sciences,
associate Professor of the Department of Criminal Law
Penza State University
(440026, Russia, Penza, Krasnaya street, 40, e-mail: vlad93@sura.ru, up406@mail.ru)

Abstract. The article analyzes the legislation of the Russian Federation in terms of establishing mandatory requirements for the activities of legal entities and individual entrepreneurs, due to countering terrorist threats. It is shown that the fight against catastrophic manifestations of terrorist attacks, aimed, inter alia, at critical infrastructure, is gaining relevance. This presupposes participation in preventive activities of all organizations regardless of their form of ownership. The connection of the special regime of economic activity in the context of countering terrorism with the concept of a mobilization economy is shown. A special concept of antiterrorist security of facilities is introduced, which is regulated both by the Federal Law "On Countering Terrorism" and by the decrees of the Government of the Russian Federation adopted in its development. Attention is drawn to the rules for interaction of telecom operators with authorized state bodies carrying out operational-search activities. Similar rules have been introduced in a number of foreign countries. In addition, abroad, it is allowed to conduct such events as "mass hacking" on behalf of law enforcement agencies, collecting personal data and creating metadata arrays on their basis. The article indicates that Russian legal acts do not regulate the issue of compensation for certain losses of organizations due to special regimes of activity.

Keywords: security, organization, terrorism, counteraction, legislation, duties, technical requirements.

Введение. Проблемы противодействия терроризму носят многоаспектный характер. Во многих странах основной мерой борьбы выступает уголовная ответственность за преступления террористического характера. Российская Федерация – не исключение. В Уголовном кодексе Российской Федерации можно наблюдать как общий состав – террористический акт (который имеет давнюю историю правового закрепле-

ния; статья 205), – так и специальные, получившие свое развитие в условиях нарастания террористических угроз. Зарубежный опыт показывает, что в ряде европейских стран долгое время вообще отсутствовала дифференциация такого вида преступления. Лица, виновные в совершении криминальных действий, привлекались к ответственности по общеуголовным составам, где лишь мотивация могла влиять на назна-

чение наказания (в сторону отягчения).

Современное информационное общество показывает, что на первый план противодействия преступным посягательствам выходят профилактические предупредительные меры. Терроризм, по мнению многих криминологов, может носить катастрофический характер [1 – 3]. Посягательства на критическую инфраструктуру – цель многих организаций, желающих нанести максимальный урон государству-противнику. Яркий пример – 11 сентября 2001 года, – когда несколько террористов своей атакой на башни-близнецы Всемирного торгового центра унесли мирных жизней больше, чем 300 японских самолетов в декабре 1941 года во время налета на военную базу в гавани Перл-Харбор. Приобретает актуальность борьба с кибертерроризмом. Цифровое пространство осваивается не только в общественно полезных целях. Не являются чем-то экстравагантным высказывания «цифровой Халифат» и «Кибер-Джихад» как в средствах массовой информации, так и в устах представителей спецслужб [4, 5]. В системе профилактических мероприятий задействуются не только органы государственной и муниципальной власти, но и предприятия, учреждения вне зависимости от формы собственности. Универсальность террористических угроз обуславливает всеобщее вовлечение в проведение мероприятий по безопасности. Данная ситуация заставляет несколько иначе трактовать понятие мобилизационной экономики, которое длительное время рассматривалось как состояние народного хозяйства в условиях внешней угрозы и мобилизации внутренних ресурсов [6]. Это – классический подход, объединенный с понятием «экономики войны» [7].

Исходя из приведенных обстоятельств, целью данной статьи является исследование актуальных проблем законодательного, нормативного и правового регулирования безопасности организаций в условиях противодействия террористическим угрозам.

Материалы и результаты. Российскими учеными предлагается широкий подход к пониманию мобилизационной экономики, где в центре поставлен регуляционный метод со стороны институтов публичной власти. Государство с помощью прямых и косвенных рычагов воздействия решает актуальные задачи для современного этапа развития [8]. Именно поэтому термин «мобилизационная экономика» все чаще можно услышать применительно к современному состоянию нашей страны, где причины такого толкования находятся в: 1) санкционной политике наших Западных партнеров; 2) необходимости стремительного роста; 3) повышении конкурентности отечественных товаров на международном рынке; 4) интенсификации промышленного производства и др. [9].

Российское законодательство предусматривает различные особые правовые режимы экономической деятельности, обусловленные экстраординарными ситуациями. Статья 2 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» предусматривает в общих чертах подготовку к быстрому переходу эко-

номики страны на «военные рельсы» (от формирования планов до создания материального резерва). Обязанность по специальной готовности к переформатированию производственного цикла для всех типов организаций содержат также Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» и Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 79-ФЗ «О государственном материальном резерве».

Некоторые правила регулирования экономической деятельности в особых условиях предусмотрены Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Однако данный нормативный акт определяет лишь обязанности организаций и только применительно к обеспечению режима контртеррористической операции (КТО). Статья 11 не содержит каких-то исключительных положений, применимых только к субъектам предпринимательской деятельности, а определяет режим КТО, в рамках которого распределены те или иные обязанности (граждан или юридических лиц). Исходя из этого, чтобы выделить элементы обеспечения безопасности в организациях, необходимо проанализировать все обозначенные мероприятия и провести классификацию. Так, в рамках КТО допускаются следующие ограничения, налагаемые на экономическую деятельность:

- приостановление деятельности опасных производств и организаций, в которых используются взрывчатые, радиоактивные, химически и биологически опасные вещества;
- приостановление оказания услуг связи юридическим и физическим лицам или ограничение использования сетей связи и средств связи;
- введение карантина, проведение санитарно-противоэпидемических, ветеринарных и других карантинных мероприятий;
- ограничение или запрещение продажи оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, специальных средств и ядовитых веществ, установление особого режима оборота лекарственных средств и препаратов, содержащих наркотические средства, психотропные или сильнодействующие вещества, этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции [10].

Законодательство предусматривает также дополнительные обязанности организаций по обеспечению антитеррористической безопасности. Модель закрепления таких обязанностей отличается некоторой неопределенностью. Статья 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» предусматривает общее понятие антитеррористической защищенности объекта (территории). В статье 5 Закона закрепляются полномочия Правительства РФ, среди которых установление обязательных требований к антитеррористической защищенности объектов, а также иных обязательств, вытекающих из указанных требований (в частности, утверждение порядка разработки и формы паспорта безопасности таких объектов). С точки зрения юридической техники правильным выглядит опыт Республики Казахстан, где статья 10-2 Закона

Республики Казахстан от 13 июля 1999 года № 416-І «О противодействии терроризму» закрепляет: «Для защиты объектов, уязвимых в террористическом отношении, осуществляются правовые, организационные, инженерно-технические, специальные, охранные и иные меры по повышению уровня антитеррористической защищенности этих объектов и готовности государственных органов, юридических лиц к ликвидации и (или) минимизации последствий актов терроризма». Реализация указанного правила обеспечивается целым перечнем обязанностей, возлагаемых на собственников, владельцев, руководителей или иных должностных лиц объектов, уязвимых в террористическом отношении. В числе обязательных мер: установление пропускного режима, специальное обучение персонала, защита информационных сетей, участие в тренировках по ликвидации возможных угроз и др. Кроме того, статья 23-2 определяет обязательность проведения проверок за соблюдением должностными лицами указанных объектов установленных мероприятий. Сами проверки проводятся не реже одного раза в год, а срок проверки не может превышать семь дней. Проверяющий орган – министерство внутренних дел. Проверка проводится в соответствии с проверочным листом, в котором определены требования к объекту. По результатам проверки составляется акт [11].

В нашей стране в развитие установленных положений об антитеррористической защищенности объектов принято более 30 постановлений Правительства РФ. Финансовое бремя по обеспечению антитеррористической защищенности объектов возлагается на их собственников.

Следует обратить еще на один аспект обеспечения безопасности в целях противодействия терроризму, в рамках которого определенное обязательство возлагается на юридические лица. Это связано с внедрением технического оборудования, позволяющего вести круглосуточный контроль за электронным общением. Одним из первых актов, устанавливающих подобную обязанность для всех операторов связи, был Патристический акт, принятый в США в ответ на атаку 11 сентября 2001 года. В ходе проведенного расследования было выявлено, что происходила фиксация переговоров террористов с координаторами их действий за рубежом. Однако законодательство не позволяло осуществлять оперативную обработку данных, расшифровку и реакцию на выявленные факты со стороны правоохранительных органов. Как следствие, было предложено активизировать внедрение системы автоматизированного отслеживания информации. ФБР использует программу «*Carnivore*» (переводится как «Хищник»), позволяющую анализировать различные сведения не только с интернет-страниц, но и серверов электронной почты [12]. Сбор осуществляется по определенным критериям. Американскими спецслужбами используются и другие программы: *Omnivore* и *Etherpeek*. В нашей стране создана своя автоматическая, имеющая сокращенное название СОРМ [13]. Приказами Минкомсвязи утверждены соответствую-

щие правила применения оборудования (всего четыре части – приказы утверждались с 2012 по 2018 гг.).

Постановлением Правительства РФ от 27 августа 2005 г. № 538 утверждены Правила взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность. Таким уполномоченным органом обозначена Федеральная служба безопасности России. И только в случае отсутствия технических средств у органов ФСБ функции уполномоченного органа выполняют органы внутренних дел. Ввод в эксплуатацию технических средств в сети связи оператора связи производится в соответствии с разработанным органом федеральной службы безопасности совместно с оператором связи планом мероприятий по внедрению технических средств, в котором указывается, в частности, срок ввода в эксплуатацию технических средств. Типовые требования к плану мероприятий по внедрению технических средств для проведения оперативно-разыскных мероприятий утверждены совместным Приказом Минкомсвязи России № 391, ФСБ России № 437 от 1 августа 2017 г. Пошаговые инструкции (размещены на сайте Роскомнадзора) взаимодействия представлены в Методических рекомендациях по порядку действий по обеспечению выполнения обязательных требований в части организации на сетях электросвязи системы оперативно-разыскных мероприятий (СОРМ) и Методических рекомендациях по порядку действий лиц, впервые получающих лицензию на оказание услуг связи. Оператор связи должен своевременно обновлять информацию, касающуюся потребителей услуг связи, Операторы связи также должны систематизировать информацию (и осуществлять ее хранение) относительно всех оказанных услуг связи, в том числе о фактах приема, передачи, доставки и иной обработки текстовых (звуковых, видео, аудио и иных) сообщений, телефонных переговоров. Указанная информация должна храниться оператором связи в течение 3 лет на территории Российской Федерации и предоставляться органам Федеральной службы безопасности путем осуществления круглосуточного удаленного доступа к базам данных. Обязанность по систематизации, сбору и хранению информации возникли в результате принятия так называемого «пакета Яровой» (хотя инициатором закона была не только депутат Государственной Думы РФ И. Яровая, но и другие депутаты), в который вошли два нормативных акта: Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» и Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности».

Анализируя зарубежное законодательство и сопоставляя его с российскими правилами, можно заявлять, что в этой части мы движемся в общем направлении. Правотворческая политика показывает единство в своем развитии. Выше упоминался Патриотический акт, который, напомним, был принят в 2001 году. Уже тогда он возлагал обязанности на операторов связи. На европейском пространстве была принята Директива 2006/24/ЕС от 15 марта 2006 г. [14], которая, пожалуй, впервые установила режим обязательного хранения электронных данных на территории Европы. Документ обязала всех интернет-провайдеров и поставщиков телекоммуникационных услуг, работающих в Европе, собирать и хранить в течение от шести месяцев до двух лет входящие и исходящие телефонные номера абонента, IP-адреса, данные о местоположении и другие ключевые данные о телекоммуникационном и интернет-трафике. В обосновании директивы указывалось, что некоторые европейские страны уже приняли соответствующие правила хранения электронного контента. Необходимы их систематизация и создание единых правил. В 2014 г. Директива была отменена, но это создало обратную реакцию. Страны – участницы Европейского Союза стали принимать собственные правила, которые во многом повторяли положения Директивы (точнее ужесточали требования, предъявляемые к операторам связи, а также расширяли полномочия национальных спецслужб). В Великобритании своеобразным ответом стал Закон от 29 ноября 2016 г. о полномочиях на проведение расследования [15]. Он имел общую парламентскую поддержку, в Палате общин был принят подавляющим большинством, 281 – за, против – 15. И это несмотря на общественную критику, которая развернулась в Интернете и средствах массовой информации. Закон приобрел жаргонное название – «Хартия снуперов» (*«Snoopers' Charter»*; *Snooper* – ищейка, глагол: совать нос в чужие дела). В Российском пространстве ему дают разнообразный перевод – «Хартия ищейек», Закон Шерлок Холмса. «Хартия ищейек» устанавливает массовое хранение всех коммуникационных данных и истории интернета в течение года. Кстати, если анализировать данный закон, то он весьма продвинут в сторону расширения полномочий спецслужб. Допускается ведение таких мероприятий, как «массовое хакерство» от имени правоохранительных органов, сбор персональных данных и создание массивов метаданных на их основе. Показательно, что серьезный акцент делается на проведении профилактических мер, направленных на создание дополнительных препятствий функционированию террористической сети. Британские спецслужбы учитывают факторы современного информационного общества и требуют особых экстраординарных полномочий. Несмотря на критические замечания, общественная и политическая элита Великобритании согласны с подобными требованиями, чему свидетельствуют законодательные акты парламента. Однако, как и во многих странах мира, наиболее спорные документы принимаются в ускоренном режиме, что

обуславливает возмущение со стороны правозащитных организаций.

В Российской Федерации обязанность операторов связи по установке специального оборудования была оспорена в судебном порядке. Истцом выступило общество с ограниченной ответственностью «Теле-Маг», ссылавшееся на практику Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда России. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2018 г. № АКПИ18-1109 (вынесенное судом по первой инстанции) по исковому заявлению ООО «Теле-Маг» основывалось на системном анализе норм различных федеральных законов «Об оперативно-розыскной деятельности», «О связи», «О персональных данных» и др. В нем подчеркивалось, что предоставление круглосуточного доступа не означало его бесконтрольность и произвольность. В Апелляционном определении Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 5 марта 2019 г. № АПЛ19-53 можно увидеть краткое обоснование, согласно которому ссылки ООО «Теле-Маг» несостоятельны, «поскольку обжалованное решение суда первой инстанции вынесено на основе действующих положений закона, регулирующих рассматриваемые правоотношения и обязывающих в определенных законом случаях операторов связи предоставлять уполномоченным государственным органам информационное содействие, которые не признавались неконституционными».

Возложение материального бремени за функционирование режима безопасности только на организации обуславливает его перевод на конечного потребителя, что автоматически приводит к подорожанию товаров и услуг. Так, введение обязанности хранить данные операторами связи привело к постепенному повышению платы и отказу от инвестиционной политики некоторых компаний. По-видимому, государство должно задумываться и об этой стороне вопроса, вводя те или иные требования. Ярким примером может служить ситуация с коронавирусом, сложившаяся в начале 2020 г., создавшая дополнительные трудности для экономики страны. Постановлением Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 417 были утверждены Правила поведения, обязательные для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации. Анализ закрепляемых обязанностей, устанавливаемых для организаций, показывает, что основное финансовое бремя за обеспечение безопасности объектов возлагается на собственника организации. В зависимости от обстановки могут приниматься различные решения: от эвакуации граждан и предоставления средств коллективной и индивидуальной защиты до приостановления деятельности. Кроме того, организации обязаны проводить «мероприятия по повышению устойчивости функционирования организаций и обеспечению жизнедеятельности своих работников в чрезвычайных ситуациях».

Правовой основой для введения различных режимов борьбы с пандемией стал Указ Президента РФ

от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», в соответствии с которым в субъектах Российской Федерации высшим должностным лицом (главой региона) были приняты соответствующие постановления (распоряжения). Содержание указанных документов идентично. Во всех субъектах Российской Федерации был объявлен режим «повышенной готовности». Объявленные меры напрямую коснулись экономического благосостояния значительного числа субъектов предпринимательской деятельности [16, 17]. Многие предприятия были временно закрыты (ввиду объявления нерабочих, но оплачиваемых дней, что легло дополнительной финансовой нагрузкой на собственников). Приостановлено транспортное сообщение между регионами. Был объявлен режим самоизоляции, предполагающий ограниченные возможности покидания гражданином основного места жительства.

Заключение. Подобные жесткие ограничения сказались на экономических показателях. Центральный банк России в конце апреля 2020 г. объявил первый прогноз, согласно которому падение ВВП оценено в 4–6 % [18]. В конце мая 2020 г. Минэкономразвития России представил Картину деловой активности за апрель 2020 г., согласно которой падение ВВП в апреле составило 12% [19]. По многим принятым мерам идут дискуссии об их необходимости и обоснованности. В любом случае следует согласиться с А.А. Моховым: «Необходимые ограничения и запреты должны быть ясными и понятными экономическим агентам, соразмерными сложившейся или складывающейся ситуации, обстановке, не препятствовать функционированию экономики в целом и (или) ее отдельных отраслей, секторов» [20]. В другой своей работе (подготовленной еще в 2013 г.) А.А. Мохов отмечал, что при ликвидации последствий чрезвычайной ситуации могут пострадать субъекты экономической деятельности. При этом отсутствует понятный механизм компенсации понесенных хозяйствующими субъектами убытков от введенных ограничений [21]. Несмотря на то, что представленные работы были опубликованы почти десять лет назад, их актуальность не утратила свою силу, а выявленные пробелы в законодательстве так и не устранены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Dhillon S., Mama-Rudd A. Human Rights and Counter-Terrorism // International Journal of Social Research Foundation. 2016. Vol. 4. № 2. Pp 1–13.
2. Honeywood C.A. Britain's Approach to Balancing Counter-Terrorism Laws with Human Rights // Journal of Strategic Security. 2016. Vol. 9. № 3. Pp. 28–48.
3. Тарасова Д.М. Значение и применение теоретических подходов к определению понятия и сущности религиозного экстремизма в деятельности прокуратуры Российской Федерации // Российский следователь. 2020. № 1. С. 53 – 57.
4. Lewis J. Cyber terror: Missing in action / J. Lewis // Knowledge, Technology & Policy. – 2003. – Vol. 16. – Iss. 2. – Pp. 34–41.
5. Heickerö R. Cyber Terrorism: Electronic Jihad / R. Heickerö // Journal Strategic Analysis. – 2014. – Vol. 38. – Iss. 4. – Pp. 554–565.
6. Берсенева В.Л. Мобилизационная модель экономического развития в контексте историографического анализа // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 1. С. 15–20
7. Harris S. E. Economics of mobilization and inflation. Greenwood Press, 1968. 308 p. Watkins Ralph J. Economic Mobilization // American Political Science Review. 1949. Vol. 43. № 3. Pp. 555–563 / <https://www.cambridge.org/core/journals/american-political-science-review/article/iv-economic-mobilization/E77EAE8400E48597C5EB767508C9C935>
8. Глазьев С. Пора объявлять мобилизацию // Коммерсант. Власть. 1999. № 15. С. 20 / <https://www.kommersant.ru/doc/15386>
9. Балацкий Е.В. Мобилизационная экономика в условиях санкций // Развитие и экономика. 2015. № 7. С. 118–135 / http://www.intelros.ru/pdf/Razvitie_i_ekonomika/2015_13/11.pdf
10. Строков С.А., Шеншин В.М. Особенности правового режима контртеррористической операции // Право в Вооруженных Силах. 2018. № 1. С. 109 – 116.
11. Романовский Г.Б. Правовые основы противодействия терроризму в Республике Казахстан // Наука. Общество. Государство. 2018. Т. 6. № 1. С. 40–45.
12. Романовская О.В. Акт о патриотизме: ограничения права на неприкосновенность частной жизни в США в целях противодействия терроризму / О.В. Романовская // Наука. Общество. Государство. – 2017 – Т. 5. – № 2. – С. 10–16.
13. Гольдштейн Б.С., Елагин В.С. Законный перехват сообщений: подходы ETSI, CALEA и COPM // Вестник связи. 2007. № 3 / <http://niits.ru/public/2007/2007-016.pdf>
14. Directive 2006/24/EC of the European Parliament and of the Council of 15 March 2006 on the retention of data generated or processed in connection with the provision of publicly available electronic communications services or of public communications networks and amending Directive 2002/58/EC / <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A32006L0024>
15. Investigatory Powers Act, 2016 / <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2016/25/contents/enacted>
16. Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 5 – 26.
17. Айол А.А. Изменения в нормативных правовых актах Российской Федерации, связанные с противодействием распространению COVID-19 // Гражданская оборона и защита от чрезвычайных ситуаций в учреждениях, организациях и на предприятиях. 2020. № 6. С. 13 – 17.
18. Среднесрочный прогноз Банка России / http://cbr.ru/Collection/Collection/File/27833/forecast_200424.pdf
19. Картина деловой активности за апрель 2020 года / https://www.economy.gov.ru/material/file/153d3784c10e3d2475e177b296d601b7/200528_.pdf
20. Мохов А.А. О концепции правового регулирования экономической деятельности в условиях особых правовых режимов: постановка проблемы // Юрист. 2014. № 4. С. 21 – 24.
21. Мохов А.А. Ограничения прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при чрезвычайных ситуациях // Юрист. 2013. № 6. С. 3 – 7.

Статья поступила в редакцию 12.08.2020

Статья принята к публикации 14.09.2020